

TARTU RIIKLIKÜ ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ALUSTATUD 1893. a. VIHK 209 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г.

**ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ
ФИЛОЛОГИИ
XI
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**

ТАРТУ 1968

ЩЕДРИН И ЧЕРНЫШЕВСКИЙ¹

(по материалам хроник «Наша общественная жизнь»).

П. С. Рейфман.

В январской хронике «Нашей общественной жизни» за 1864 г. М. Е. Салтыков-Щедрин выступил против определенных тенденций, проводимых редакцией журнала «Русское слово». Его выступление послужило началом открытой полемики «Современника» с «Русским словом»². Иронизируя над «нигилистами», автор хроники мимоходом замечал, что «со временем» милые нигилистки будут бесстрастно рукою рассекать человеческие трупы и в то же время подплясывать и подпевать «Ни о чем я, Дуня, не тужила» (ибо «со временем», как известно, никакое человеческое действие без пения и пляски совершаться не будет)³. Слова Щедрина были истолкованы в «Русском слове» как глумление над Чернышевским, над романом «Что делать?», четвертым сном Веры Павловны. В № 2 за 1864 г. редакция напечатала статью В. Зайцева «Глуповцы, попавшие в «Современник»» — прямой отклик на январскую хронику «Нашей общественной жизни», содержащий резкие обвинения в адрес Щедрина. Между прочим Зайцев писал: «Вот теперь его разбирает смех по поводу романа «Что делать?» Он юмористически, но в сущности бессмысленно намекает на него, изобраа-

¹ Автор не ставит перед собой задачи дать всесторонний обзор взаимоотношений Щедрина и Чернышевского. В статье рассматривается лишь вопрос, связанный с оценкой Щедриным романа «Что делать?». Выяснение этого вопроса — частный, но необходимый шаг на пути к важному и все еще не написанному исследованию об отношении Щедрина к европейскому утопическому социализму и к его русским последователям.

² Об этой полемике, т. наз. «расколе в нигилистах», имеется обширная литература, в которой даются различные, часто противоречащие друг другу, истолкования полемики, ее сущности, причин. Обзор основной литературы о «расколе в нигилистах», краткую характеристику его см. в примечаниях к «Нашей общественной жизни» (М. Е. Салтыков-Щедрин, Собр. соч., М., 1968, т. 6).

³ Н. Щедрин, Полн. собр. соч., М., 1941 т. VI, стр. 246. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте, с обозначением тома и страницы — П. Р

жает нигилистку, рассекающую труп и в то же время подпевающую: «Ни о чем я, Дуня, не тужила»⁴

Следует признать, что имелись некоторые основания для сближения сатирической картины, нарисованной Щедриным, с романом Чернышевского. Уже само обращение к теме будущего общественного устройства в это время прежде всего ассоциировалось с романом «Что делать?» Как-то соотносилось с ним и щедринское упоминание о пении и плясках: ведь в четвертом сне Веры Павловны, описывая будущее общество, Чернышевский упоминал, что там свободный труд сопровождается пением: «группы, работающие на нивах, почти все поют», «и все песни, все песни», «а вот припомнили и нашу: «Будем жить с тобой по-пански»⁵. Не исключено, что последние строки, взятые из стихотворения Кольцова «Бегство», нашли у Щедрина сатирическое преломление в песне «Ни о чем я, Дуня, не тужила». Характерно, что и сам Щедрин, решительно отвергая в мартовской хронике «Нашей общественной жизни» обвинения в глумлении над Чернышевским, в то же время не отрицал, что расказ о работе с «пением и плясками» — в какой-то степени отклик на изображение будущего общества в романе «Что делать?»

Однако, речь шла вовсе не об отрицании романа Чернышевского в целом, как пытались представить дело сотрудники «Русского слова». Более того, речь шла вообще не столько о самом романе, сколько об определенном его истолковании. В статье «Гг. «семейству М. М. Достоевского...» сатирик сам указывает на это, объясняя, что в «Нашей общественной жизни» он говорил «отнюдь не о самом романе, а об известном на него взгляде и о тех поучениях, которые, под влиянием этого взгляда, из него извлекаются» (VI, 487). Сатира Щедрина была направлена в первую очередь против вульгаризаторов теории Чернышевского, опошлявших ее, готовых примириться с существующим политическим устройством, праздно рассуждающих о деталях будущего и отказавшихся от борьбы. Действительно, «последователи» Чернышевского делали часто из его теории выводы, совершенно противоречащие точке зрения их «учителя». Так, С. Г. Стахевич вспоминает, как он и его товарищи были удивлены, узнав, что Чернышевский — решительный сторонник политической свободы. Им же казалось, что интересоваться политикой — значит заниматься «политическими бирюльками»⁶. Главное, по их мысли, — экономическое благосостояние масс, которого можно достичь без коренных политических изменений.

⁴ «Русское слово», 1864, № 2, стр. 39.

⁵ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XI, М., 1939, стр. 278.

⁶ Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников, Саратов, 1959, т. 2, стр. 73.

Подобные взгляды, во многом перекликавшиеся с позицией редакции «Русского слова», воспринимались Щедриным как отказ от реального дела, как поворот к либерализму, к примирению с реакцией. Вопрос осложнялся тем, что такой поворот действительно проделала после 1862 года значительная часть вчерашних «нигилистов». Обвинения Щедрина не были безосновательными, хотя отождествление «Русского слова» с подобными «раскаившимися нигилистами» не являлось правомерным. Итак, эпизод с «пением и плясками» связан с борьбой против вульгаризаторов идей Чернышевского, к которым, по мысли Щедрина, относится и круг «Русского слова».

Однако, этим дело не исчерпывалось. В оценке романа «Что делать?» сказалось общее отношение Щедрина к утопическим теориям общественного переустройства, к теориям Фурье и Чернышевского в частности. Сатирик высоко ценит идеи романа Чернышевского. Он отмечает, что «роман серьезный, проводивший мысль о необходимости новых жизненных основ и даже указывавший на эти основы», что его автор «без сомнения обладал своею мыслью вполне» (VI, 326). Но одновременно Щедрин считает, что изображение будущего в романе превращается порой в «сантиментальную идиллию», что Чернышевский не избежал «некоторой произвольной регламентации подробностей, и именно тех подробностей, для предугадания и изображения которых действительность не представляет еще достаточных данных» (VI, 326). Сатирик критикует «вислоухих и юродствующих» за то, что они схватились за эти подробности, не определяющие сущности романа, но в то же время говорит, что такие подробности имеются в самом романе. В статье «Гг «семейству М. М. Достоевского. .», касаясь своего отношения к «Что делать?», Щедрин признает, что он и Чернышевский по-разному решают вопрос о путях действия, хотя цели у них одни и те же. По мнению Щедрина, следует «начинать не с намерений, а с разбора самых простых и ходячих общественных истин. Автор «Что делать?» полагал иначе, но из чего же следует, что мои отношения к этому роману враждебны? Не следует ли, напротив того, заключить, что тут идет речь единственно о практических путях?» (VI, 487—8). В приведенном высказывании Щедрина выражены и солидарность с основными идеями романа «Что делать?», и признание различия путей, которые им и Чернышевским предлагаются для достижения общей цели.

Понимая плодотворность идей утопического социализма, Щедрин отчетливо видит несостоятельность практических решений, предлагаемых европейскими социалистами и их русскими последователями. Эта несостоятельность особенно остро ощущалась в России после 1862 г., в период наступления реакции, когда исчезли всякие надежды на близкую возможность революции. Трезвое понимание изменившейся обстановки, которой

Чернышевский, создавая роман «Что делать?», из-за своего ареста в деталях не знал, привело Щедрина к выводу, что изображение утопических картин будущего общества со всеми его деталями — задача не злободневная. Такое изображение, по мысли Щедрина, в какой-то степени уводит читателей от насущных практических вопросов и не является сильной стороной романа Чернышевского. В выводах Щедрина сказалось давнее его недоверие к утопической левой прекраснородушной фразе, проявившееся уже в ранней повести «Запутанное дело», в образах Беобахтера и Звонского. Это недоверие, видимо, во многом определило отношение Щедрина к петрашевцам. Выводы Щедрина отразили и некоторую недооценку революционной жизненности утопии Чернышевского, и верное ощущение «определенной утопической абстрактности» четвертого сна Веры Павловны, «условной романтики Хрустального дворца»⁷ Как справедливо утверждает С. Макашин, Щедрин «имел некоторое право смотреть на себя как на человека более широкого жизненного опыта, чем «теоретик» Чернышевский»⁸ Этот опыт, правда, приводил иногда к скептицизму, но он зато позволял более трезво оценивать явления действительности, ясно видеть такие противоречия, которые Чернышевскому и Добролюбову в период революционной ситуации не были заметны. И, если у Щедрина «сила иногда оборачивалась слабостью», превращалась в «яд скептицизма»⁹, то и слабость оборачивалась силой, позволяя избежать многих иллюзий.

Во взглядах Щедрина, высказанных в «Нашей общественной жизни», отразился весь его предшествующий личный жизненный опыт. Не случайно в хрониках повторяется ряд мыслей, встречающихся в более ранних произведениях писателя (например, рассуждения о тюкалинском городничем и белибеевском исправнике). Но вряд ли правомерно рассматривать эти взгляды, как что-то, характерное только для Щедрина (хотя, конечно, личное своеобразие щедринского взгляда на окружающее в них ощущается весьма отчетливо). Еще более ошибочно видеть в них отражение либеральных колебаний, отступление от революционно-демократического мировоззрения.

На самом деле выводы Щедрина, часто противоречивые, отражали противоречия *всей* русской революционно-демократической мысли периода неревлюционной ситуации, времени переоценки ценностей, мучительных поисков новых путей. Можно

⁷ А. Лебедев, Герои Чернышевского, М., 1962, стр. 90, 96. Аналогичные мысли были высказаны Е. И. Покусаевым в статье «Н. Г. Чернышевский и М. Е. Салтыков-Щедрин», Уч. зап. Саратовского гос. университета, т. XIX, 1948.

⁸ М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников, М., 1957, стр. 19.

⁹ Там же.

говорить, в известном смысле, о *кризисе всей* революционно-демократической мысли, понимая под словом «кризис» не только слабость и отступление, но и движение вперед. Революционно-демократическая мысль периода революционной ситуации была более оптимистичной, революционно-демократическая мысль периода послереволюционной ситуации — более трезвой; она яснее видела жизненные противоречия, во многом преодолела просветительский утопизм своих предшественников. Сам скептицизм ее являлся залогом нового движения вперед. И этот скептицизм разделяли со Щедриным многие. Так, в «Прологе» Чернышевский устами Волгина говорил о «жалкой нации рабов», о бурлаках, готовых смириться при первом окрике будочника, о своем неверии в близкую революцию. Все это отнюдь не означало отхода от революционно-демократического мировоззрения, а было характерной особенностью этого мировоззрения на определенном этапе его развития.

Возражая на обвинения Зайцева, Щедрин в мартовской хронике «Нашей общественной жизни», чтобы объяснить, чем отличается его отношение к роману Чернышевского от выводов, делаемых из этого романа поклонниками «Русского слова», «вислоухими и юродствующими», обращается за аналогией к учению Фурье. Он говорит, что «вислоухих и юродствующих» «увлекла бы не теория страстей, положенная в основание его (Фурье — П. Р.) универсальной ассоциации, не плодотворная концепция гармонического воспитания и проч., а какие-нибудь *anti-lions* и *anti-réquins*, а какие-нибудь когорты мальчигов, с самоотвержением предающихся очищению отхожих мест и т. п.» (VI, 326—7) ¹⁰.

Обращение к Фурье, для разъяснения того, что казалось Щедрину главным и плодотворным в романе «Что делать?» и что относил он к «произвольной регламентации подробностей», было далеко не случайным. Теория Фурье и роман Чернышевского в восприятии Щедрина тесно связаны между собой. В статье «Гг «семейству М. М. Достоевского .» Щедрин отсылает тех, кто хочет уяснить его подлинное мнение о романе «Что делать?», к своей статье «Как кому угодно»: «Что же касается до моего собственного мнения, то разъяснить его я могу только ссылкой на мое сочинение «Как кому угодно» (VI, 487) В самой же статье «Как кому угодно» о романе Чернышевского ничего не говорится, но в ней идет речь об идеях утопического социализма, «теории страстей» Фурье и пр. Характерно, что автор «Заметок летописца» («Эпоха», 1864., № 10) назвал статью

¹⁰ Согласно сложной космогонической теории Фурье, в гармоническом обществе произойдет полное изменение природы, вместо вредных животных появятся их противоположности, полезные для человека (анти-львы, анти-акулы и др.). Неприятные работы в фаланстере, по Фурье, будут добровольно выполнять мальчишки, любящие возиться с грязью.

«Как кому угодно» вариацией «на теорию страстей, положенную в основание универсальной ассоциации». Итак, понимание романа «Что делать?» для Щедрина тесно связано с вопросом об отношении к учению Фурье, к его сильным и слабым сторонам, к «теории страстей». К этому вопросу писатель возвращается неоднократно, в разные периоды своего творчества, причем его точка зрения в основном остается неизменной. О теории Фурье он говорит в «Современных призраках», написанных примерно в то же время, что и «Наша общественная жизнь». По мнению Щедрина, «втискивать человечество в какие-либо новые формы жизни, к которым не привела его сама жизнь, столь же непозволительно, как и насильно удерживать его в старых формах, из которых выводит его история. Поэтому мне кажется, что так называемые утописты (в особенности Фурье и его последователи), доказывавшие необходимость новых общественных оснований, поступали ошибочно, выводя этот вопрос из сферы отвлеченной и регламентируя все подробности его осуществления» (VI, 388)

О регламентации подробностей, вплоть до определения того, кто будет чистить при новом общественном устройстве выгребные ямы, Щедрин говорит и в статье «Как кому угодно». Он отводит, как несущественные, вопросы такого рода, которые задает ему оппонент. Писатель считает, что, «с введением различных технических усовершенствований», потребность в определенных неприятных занятиях будет делаться все меньше (VI, 428), что наивно гадать об этом заранее. Он иронически замечает, что могут найтись желающие и для подобного рода дел: ведь кажется привлекательной для некоторых профессия публициста.

Аналогичные высказывания встречаются у Щедрина и через много лет, совсем в иной период его творчества. Он продолжает утверждать, что «принцип утех — великий принцип, которому суждено вечно пленять человеческие сердца» («Дневник провинциала в Петербурге», XII, 477). К вопросу о силе и слабости утопического социализма писатель вновь возвращается в цикле «Мелочи жизни», написанном в 1886—87 гг., прибегая к тем же примерам, почти к тем же формулировкам, что и в первую половину 1860-х гг. Последнее — свидетельство глубокой их продуманности, важности для писателя. «Старинные утописты, — пишет он, — были вполне правы, утверждая, что для новой жизни и основания должны быть даны новые и что только при этом условии человечество освободится от удручающих его зол» (XVI, 445) Но в то же время Щедрин отмечает и слабость утопических теорий: «Ошибка утопистов заключалась в том, что они, так сказать, усчитывали будущее, уснащая его мельчайшими подробностями < > они думали, что человек сам собой < > при помощи одной доброй воли, может создать свое

конечное благополучие < . > Фурье провидел ненужных антильвов и анти-акул и не провидел ни железных дорог, ни телеграфа < . > Его смущал вопрос об удалении нечистот из помещений фаланстеров, и для разрешения его он прибегнул к когортам самоотверженных, тогда как, в недалеком будущем, дело устроилось проще .» (XVI, 445—6). С. Н. Кривенко вспоминает, что Щедрин в последние годы его жизни часто говорил об утопических социалистах, «особенно о Фурье, с практической стороною учений которого (например, с устройством фаланстеров и т. п.), однако, далеко не был согласен: Признавая и высоко ценя общие положения, всю практическую часть он ставил в зависимость от времени < . > и скептически относился к возможности раз навсегда придумать формы жизни»^{10а}

Итак, роман Чернышевского воспринимался Щедриным в русле общего и неизменного в течение многих лет отношения к утопическому социализму, к учению Фурье и его русских последователей. Щедрин видел в романе отражение и сильных и слабых сторон фурьеризма. Само сближение «Что делать?» с теориями Фурье было в достаточной степени закономерным. Известно, что уже осенью 1848 года вольнослушатель петербургского университета, участник кружка Петрашевского, страстный почитатель и пропагандист Фурье А. В. Ханыков познакомил Чернышевского с учением французского утописта. Чернышевский отмечает в дневнике, что читает произведения Фурье. При этом восприятие Фурье Чернышевским во многом перекликается с точкой зрения Щедрина: Чернышевскому кажутся справедливыми основные идеи учения, но он весьма скептически относится к подробностям, к форме выражения идей Фурье. Так, 28-го ноября 1848 г. Чернышевский записывает, что «основа идеи решительно, кажется, справедлива», в то время как «примеры и приложения идей, — кажутся странными или смешными»¹¹ Читая «Фалангу», он отмечает, что решение в ней вопросов религиозных напоминает реакционный русский журнал «Маяк», но и в ней видит «дельные мысли»¹² «Что говорится об ассоциации, — пишет он далее, — кажется решительно справедливо, только бог знает, le travail attrayant (привлекательный труд — П. Р.) каково»¹³. По мнению Чернышевского, «Фурье своими странностями и чудным беспрестанным повторением одного и того же как-то отвращает, но между тем виден во всем ум решительно во всем новый .»¹⁴ Познакомившись с теорией «страстей», Чернышевский записывает: «вещь не

^{10а} М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников, ГИХЛ, 1957, стр. 273.

¹¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. I, М., 1939, стр. 183.

¹² Там же, стр. 184.

¹³ Там же, стр. 186.

¹⁴ Там же, стр. 189.

так нелепа, как казалось с первого раза»¹⁵. Закончив чтение Фурье, Чернышевский упоминает о «странностях и ограничениях» в его выводах, о «странном виде» выражения мыслей, но одновременно он считает Фурье главой школы, «которая неоспоримо занимает великое место в истории»; он «провозгласил новый принцип — удовлетворения инстинктов», «несколько новых мыслей, которые называют нелепыми, а я нахожу решительно разумными и убежден, что будущее принадлежит этим мыслям»¹⁶ С большим сочувствием говорит Чернышевский о Фурье и позднее, защищая его от нападок прогивников, относя к числу «первоклассных мыслителей»¹⁷

Приведенные оценки свидетельствуют и о большом влиянии идей Фурье на Чернышевского, и о том, что это влияние не было столь уж безусловным, как казалось Щедрина Тем не менее в щедринском восприятии роман «Что делать?» связывался, в первую очередь, с пропагандой в русской литературе учения Фурье, с его сильными и слабыми сторонами¹⁸ Воздействие идей Фурье и на самом деле весьма отчетливо ощущается в романе, хотя отнюдь не определяет всего его содержания. В тексте «Что делать?» прямо упоминается книга ученика Фурье В. Консидерана «La destinée sociale» («Судьба общества»), которую Лопухов дает читать Вере Павловне, говорится о «сериях» (по Фурье, «серии» — формы организации коллективного труда и общежития) Лопухов неоднократно заявляет, что причиной всех его действий является «выгода»; Вера Павловна говорит, что сама давно думала в духе «теории расчета выгоды прибыли», о которой прочла в книге и т. п.¹⁹ В духе Фурье нарисована и картина будущего общества, вплоть до описания хрустального дворца-фаланстера, до деталей (особая плата за особый стол; дети, живущие отдельно от родителей, выполняющие с удовольствием различные работы и пр.)²⁰

Влияние Фурье заметно в какой-то степени и в решениях Чернышевским проблем любви, брака, семьи. Всем этим вопро-

¹⁵ Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников, ГИХЛ, 1957, стр. 191.

¹⁶ Там же, стр. 195.

¹⁷ См., напр. там же, т. VII, стр. 471, 473; т. IX, стр. 355 и др.

¹⁸ Как произведение, пропагандирующее в русском обществе идеи Фурье, рассматривал роман «Что делать?» и Плеханов, который отмечал, что «Чернышевский придал идеям Фурье небывалое до тех пор у нас распространение»; «Картина социалистического общежития нарисована им целиком по Фурье». Одновременно Плеханов считал, что «Чернышевский был совершенно чужд странных фантазий, перемешанных в учении Фурье с гениальными взглядами на историю и современный быт человечества» (Г. В. Плеханов, Избран. филос. произв. в 5 тт., т. 6, М., 1958, стр. 109, 163. Аналогичные высказывания см. на стр. 227).

¹⁹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XI, М., 1939, стр. 63, 65, 66.

²⁰ Там же, стр. 279, 278. Ш. Фурье, Избран. соч., М.—Л., 1951—1954, т. 3, стр. 279, 411, 413.

сам в учении французского утописта уделялось большое внимание. В первоначальной редакции романа «Что делать?» Чернышевский с большим сочувствием упоминал о картинах будущего общества, нарисованных Фурье: «у какого поэта воображение было сильнее, чем у Фурье? Самые живые картины великих поэтов едва ли так живы и отчетливы, как его описания .»²¹ Шедрину же, как отмечалось выше, подобные описания представлялись «произвольной регламентацией подробностей», которая, по мнению сатирика, сказалась и в романе Чернышевского. Но основные идеи учения Фурье, которые, по Шедрину, определили главное, наиболее плодотворное в романе «Что делать?» автор «Нашей общественной жизни» с сочувствием принимал. Ему были близки мысли о полной несостоятельности современного устройства, о необходимости коренной перестройки его на новых началах. Шедрин считал ценной «теорию страстей» Фурье, его мысли о «гармоническом воспитании». Речь шла, на первый взгляд, о чисто теоретическом аспекте учения социалистов-утопистов. Но на самом деле многое здесь было связано с сугубо злободневными проблемами русской действительности.

В основе теории Фурье положена мысль о свободе человеческой личности, о праве ее на наслаждение, на удовлетворение своих желаний, потребностей. Гармоническое общество, «прогрессивные серии», «серии по страсти» у Фурье «обеспечивают полное развитие страстям людским .», устанавливая «всеобщее единство», «без какого бы то ни было принуждения и безо всякой иной поддержки, кроме приманки наслаждения»²².

В учении Фурье говорилось о недопустимости «никакого принудительного устава»²³, о том, что «всякое принуждение порождает лживость»²⁴. По мнению Фурье, не следует подавлять страсти, потребности, желания, окружая человека частоколом «запретов», «обязанностей», «долга»; надо понять причину человеческих желаний, построить общество так, чтобы желания каждого удовлетворялись без помех для других. Всякое общественное устройство, не обеспечивающее потребностей человека, держащееся на системе запретов и обязанностей, с точки зрения Фурье, — плохое устройство, нуждающееся в коренной перестройке. С этих позиций Фурье резко критикует буржуазный уклад: «напрасно иметь хороший желудок, если нет еды на обед. Тот, у кого нет ни су, осужден на голод, на козвенное удушение чувств»²⁵.

Много места в произведениях Фурье занимает вопрос о «воспитании при строе гармонии», о развитии вкусов, склонностей.

²¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XI, стр. 633.

²² Ш. Фурье, цит. соч., т. I, стр. 105, 202.

²³ Там же, т. I, стр. 235.

²⁴ Там же, т. I, стр. 188.

²⁵ Там же, стр. 185—186.

Фурье верит в добрую природу человека, в то, что, поставленный в благоприятные общественные условия, он будет хорош.

В учении Фурье много наивно-утопического, ошибочного, верные идеи переплетаются в нем с религиозно-схоластическими построениями, с мелочно-дробной детализацией и регламентацией. Но основные положения этого учения были прогрессивны. Именно они привлекали в первую очередь внимание Чернышевского, отразились в романе в «теории разумного эгоизма», в рассуждениях о воспитании, о реальной и фантастической грязи и т. п.

Нередко, говоря о «разумном эгоизме», исследователи акцентируют вопрос об его *разумности*. При такой акцентировке, в общем правомерной, не противоречащей замыслу Чернышевского, основное внимание сосредотачивается на том, как должен себя вести человек, чтобы наиболее соответствовать нормам правильно устроенного общежития. Конечно, *долг* оказывается здесь разумно осознанным, добровольно принятым на себя. Но речь идет все же о *долге*, об *обязанностях*. Думается, что для Чернышевского важно не только то, что «эгоизм *разумный*», но и то, что он все же *эгоизм*. Вопрос ставится не только о соответствии человека общественным нормам, но и о соответствии общественных норм человеку. Последнее для Чернышевского чрезвычайно важно. С ним связано отрицание деспотического, государственно-бюрократического устройства царской России. Критика этого устройства, враждебного человеку, — одна из основных тем Чернышевского. Многие его статьи направлены против административного принуждения, бюрократическо-централизаторской регламентации. «По существовавшему своему характеру, — пишет он в статье «Г. Чичерин как публицист», — демократия противоположна бюрократии; она требует того, чтобы каждый гражданин был независим в делах, касающихся только до него < . > каждая область — в своих делах. Демократия требует полного подчинения администратора жителям того округа, делами которого он занимается»²⁶. Чернышевский, солидаризуясь с «теорией страстей», уверен, что человек имеет право на счастье, что он, избавленный от административной опеки, освобожденный от многочисленных запретов, предоставленный самому себе, имеющий возможность делать то, что он хочет, не совершит ничего плохого, сумеет прекрасно устроить не только свою собственную судьбу, но и судьбу окружающих, создать удобные для себя и для других формы общежития. Такие мысли полемически перекликались с размышлениями Тургенева о том, что жизнь — не наслаждение, а суровый долг и отречение («Фауст» и др.). Но в первую очередь они были направлены против существующего общественно-государ-

²⁶ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. V, М., 1950, стр. 652—653.

ственного устройства. Теория «разумного эгоизма» провозгласила отнюдь не только решение на новых началах семейных и личных дел; она имела вполне определенное политическое звучание.

Эти аспекты романа Чернышевского — наиболее близки Щедрину. Для сатирика чрезвычайно важна проблема насилия над людьми, скованности их государственно-бюрократической регламентацией. Уже в «Губернских очерках» административное устройство Кругогорска отрицается не столько за нарушение в нем законности, сколько за его бесчеловечность. Критика общественного уклада, где все делается по приказу, где самые благие начинания, внедряемые при помощи помпадурства, превращаются в свою противоположность, где человек становится нулем, — основная тема многих зрелых щедринских произведений («История одного города», «Помпадур и помпадурши», «Господа ташкентцы» и др.) Естественно, что «теория страстей» Фурье, теория «разумного эгоизма» Чернышевского — особенно близки Щедрину. Его очерк «Как кому угодно» отчетливо свидетельствует об этом. Исследователи обычно связывают с идеями утопического социализма, с учением Фурье заключительную часть его, где идет речь о «присяжных людях безнравственности». Думается, что с «теорией страстей», с «разумным эгоизмом» связан весь очерк целиком, начиная с его названия «Как кому угодно». Не случайно сам Щедрин ссылается на очерк для разъяснения своего отношения к роману «Что делать?». Основная мысль очерка, звучащая с первых его строк и до последних, — отрицание идеи «долга». Писатель иронизирует над людьми, воспринимающими жизнь как «беспрерывную цепь обязанностей», видящих свою цель прежде всего в том, чтобы «исполнять обязанности» (VI, 393, 394); «А так как обязанности < . > разнообразны и многочисленны и < . > ум человеческий неистощим в изобретении для себя новых < . > ясно, что жизнь человека усердного должна равняться поджариванью, на неугасимом огне производимому» (VI, 395) В рассказе «Семейное счастье», входящем в очерк, говорится о несостоятельности семейного долга, принципа семейственности (отсюда тянутся нити к «Господам Головлевым»). В целом же Щедрин отрицает в очерке всю систему «краеугольных камней», лежащих в основе существующего общественного устройства, во имя которых совершается «обуздание» человека, задерживается движение вперед. «Всякое общество имеет свои алтари», — замечает сатирик (VI, 393). И он стремится показать, что эти алтари — алтари мнимые. Одним из них, по мысли Щедрина, является принцип государственности, долг перед законом, перед властью. В него не верят даже те, кто всячески поддерживает этот принцип, нужный для того, чтобы держать в повиновении массы. Так, Попков старший (на

самом деле он младший, но более высокий чин делает его *старшим*) считает, что «законы эти больше простолюдинов имеют в виду», чтобы «обыватель завсегда для себя узду видел» (VI, 423). Попков готов согласиться с автором, говорящим, что «закон не есть что-либо вытекающее из свойств и требований человеческой природы, а напротив того, есть нечто искусственно придуманное, для обуздания этих свойств и требований» (VI, 423—24). Но он уверен, что такое «обуздание» необходимо, так как «наши страсти и слабости всему злу корень» (VI, 424) По мнению же автора, «долг» выполнять лишь тогда легко и удобно, когда «это долг обоюдный < > *всеобщая* игра обязанностей, а не исключительное бремя, взваленное на плечи одного» (VI, 426)

Общественному устройству, построенному на запретах, обуздании, долге, которые не являются «обоюдными», ложатся всей тяжестью, главным образом, на плечи одной стороны, «простолюдинов», Щедрин противопоставляет общество, за которое ратуют «присяжные люди безнравственности» (имеются в виду социалисты-утописты, в первую очередь Фурье) Эти люди утверждают, что «долг — пустяки, что нравственность — химера», что в нормальном обществе «никакое дело не может быть непривлекательным, ибо нет того человека, который бы, в данную минуту, не был расположен к какому бы то ни было делу. Надобно, говорят они, только воспользоваться разнообразием человеческих способностей и склонностей и тем почти бесконечным дроблением, которому может подлежать человеческий труд» (VI, 428) «По этой ужасной теории, всякий человек живет не для исполнения своего долга, а для удовольствия; даже дети, малолетние дети составляют свое особое общество .» (VI, 429). Существующее же зло, «взаимное недовольство» людей «происходит вследствие тех принудительных отношений, которые их связывают» (VI, 429). В подобных рассуждениях не трудно узнать основные положения «теории страстей» Фурье, «разумного эгоизма» Чернышевского. В пропаганде этих положений Щедрин и Чернышевский — единомышленники: «практические пути», предлагаемые ими, — различны, но цель оказывается одна. При этом для Щедрина «теория страстей», идеи утопического социализма особенно важны, пожалуй, не с точки зрения выяснения начал, на которых будет строиться новое общество, но, в первую очередь, для критики основ существующего порядка, «краеугольных камней» самодержавно-бюрократической России, с ее регламентацией, административным и всяким другим произволом, подавлением человеческой личности. Эту критику сатирик продолжит позднее в циклах «Благонамеренные речи», «Господа Головлевы», «Круглый год». Нити, связывающие очерк «Как кому угодно» с названными произведениями, заметны весьма отчетливо. Сам Щедрин сбли-

жал замысел этих произведений с учением Фурье, с раздумьями о романе «Что делать?», противопоставляя в письме Е. И. Утину от 2-го января 1881 г. «началам», во имя которых ведутся «обуздания», принципы свободы, равноправности, справедливости: «Читая роман Чернышевского «Что делать?», я пришел к заключению, что ошибка его заключалась именно в том, что он чересчур задался практическими идеалами < > можно ли назвать указываемые в романе формы жизни окончательными? Ведь и Фурье был великий мыслитель, а вся прикладная часть его теории оказывается более или менее несостоятельной, и остаются только неумирающие общие положения. Это дало мне повод задаться более скромною миссией, а именно спасти идеал свободного исследования, как неотъемлемого права всякого человека, и обратиться к тем современным «основам», во имя которых эта свобода исследования попирается < > это и сделано мною в «Благонам[еренных] речах». Я обратился к семье, к собственности, к государству и дал понять, что в наличности ничего этого уже нет. Что, стало быть, принципы, во имя которых стесняется свобода, уже не суть принципы даже для тех, которые ими пользуются. На принцип семейственности написаны мною «[Господа] Головлёвы». На принцип государственности — «Круглый год» (XIX, 185—186).